

«Я». Важно только не опускать, а поднимать планку социального, чтобы не оказаться заложником своей биологической природы.

Вторая группа противоречий определяется тем, что социальное и духовное начало заявляет о себе разными требованиями. Социальное «Я» настаивает на подчинении части целому, ставя корпоративные интересы превыше всего и требуя соответствующей жертвенности. Духовное «Я» ориентировано на общечеловеческие ценности, а поэтому может противостоять политической ангажированности, ложному патриотизму, национализму, религиозному фанатизму. Духовное «Я» не приемлет тоталитарный режим, тогда как социальное «Я» достаточно спокойно адаптирует его нормы, ибо социальное «Я» соткано из системы реальных общественных отношений конкретного общества. Обыватель, как правило, разрешает противоречие в пользу социального, поставив перед собой задачу выжить. Что касается интеллигента, то он либо активно протестует, вынося протест во вне и обретая статус дессидента, либо уходит в себя и глушит противоречие через механизм компенсации (алкоголь, наркотики, азартные игры).

Третья группа противоречий определяется тем, что витальность и духовность демонстрируют полюса человеческого «Я», его «подножие» и «вершину». И в этом смысле человеческое существование – это всегда бытие на грани, которое отделяет возможность падений и взлетов.

Средством смягчения, а иногда и снятия противоречий между уровнями человеческого «Я» выступает речь (внутренняя и внешняя). Речь обеспечивает биосоциальную интеграцию на нейронном уровне, связывая наглядно-образное и понятийное мышление, опыт первой и второй сигнальной системы центральной нервной деятельности (ЦНД).

Слово (логос), связывая иррациональное и рациональное, обеспечивает диалог сердца и головы, духа и разума. Слово – это фактор интеграции этического переживания, эстетического воображения и логического мышления, как творческого акта становления и развития человека общественного. Это эффективное средство снятия противоречий на уровне социального и духовного, духовного и витального. Слово (логос) несет в себе меру самоорганизации человека и организации его отношения к миру. Только через слово можно осуществить корректный контроль над стихией био-социо-психического, гуманизируя и эстетизируя связи человека с миром, снимая напряжение между «должен» и «хочу».

Принимая через слово (логос) уникальную способность к усвоению культуры и освоению мира, человек перерабатывает жизненно важную информацию, облекает ее в этические и эстетические образы, смягчая биосоциальную драму жизни.

Культура в ее измерении от политического до религиозного, помогает удержаться «на краю», не существовать, а осуществиться. Культура может помочь перевести противоречие между биологическим и духовным из колеи деструктивных процессов в русло конструктивных, созидательных преобразований. Культура способна развернуть коллизии не по антагонистическому сценарию, «войны всех против всех», а по оптимальному пути разрешения противоречий с ориентиром на ценности блага и красоты, веры и разума.

Осваивая культуру, человек становится на путь своего самосовершенствования. Не противодействуя биологическому началу, человек и не порывает с ним. Будучи существом социальным, способным выполнять определенные общественные функции, человек продолжает оставаться живым организмом, наделенным волей к жизни и волей к власти над собой.

Смена в XX веке литерного «кода» на экранный, где картинки заявленного сюжета теснят слово, чревата деградацией биопсихики человека. Некрофилия теснит биофилию а накопленный хаос несет в себе возможность взорвать меру организации и самоорганизации человека. Это уже тема другой статьи, которая зреет на эмпирическом и теоретическом уровне авторских усилий. Но уже сегодня можно с уверенностью сказать, что проблема существует и что она ждет своих разработчиков.

Креминский А. И.

ОБЩЕСТВО, ПРАВО, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

В современной отечественной философии всё больше внимания уделяется влиянию постмодернистской социальной парадигмы на формирование правовых норм и правовых отношений в государстве. Такое положение дел может позитивно повлиять на осмысление непростых процессов происходящих в нашей стране.

Актуальность данной работы заключается в том, чтобы определить факторы и векторы идеологического влияния на формирование правовой реформы в Украине. *Основной целью исследования* является экспликация методологических средств при осуществлении адекватного анализа складывающейся теоретической основы правового сознания.

Наше молодое государство претерпевает значительные, можно сказать «революционные» перемены в экономической, политической, социальной, культурной и правовой сферах. Однако мы стоим перед дилеммой: пусть всё движется «стихийно», «само собой» или же необходима действенная группа компетентных лиц заинтересованных в том или ином запланированном порядке происходящих вещей.

Задача заключается не только в том, чтобы найти «главную причину» изменений. Это достаточно

сложный вопрос, требующий специального междисциплинарного исследования. Необходимо наметить более реалистичную задачу: определить степень и уровень методологической обоснованности конституирования правового сознания, факторы и векторы идеологического влияния на формирование правовой реформы.

Методология составляет необходимую часть всякого теоретического знания, деятельности. Ни одна отрасль научного знания не может существовать и развиваться без методологической базы. Если мы определим метод как способ исследования, способ познания в широком смысле, как совокупность средств, процедур для теоретического освоения действительности, то методологию можно определить как учение о структуре, логической организации, способах и порядке деятельности. В целом методология разветвляется в форме норм, предписаний, описаний теоретической деятельности. Если мы определим главную функцию методологического знания, то она может быть охарактеризована как принцип внутренней организации, регулирования и упорядочивания процесса познания вещей, явлений, отношений. Особое внимание в методологии уделяется совокупности исследовательских средств, подходящих для каждого данного типа явлений (физических, социальных, духовных). Выявление проблемного круга, постановка проблемы, построение предмета исследования, конструирование исследовательской программы, процедуры верификации и фальсификации – таковы последовательные шаги работы каждого методолога.

Особо нужно выделить вклад философии постпозитивизма в дело развития современной методологии. Со второй половины 20-го века в англоязычной философии (К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос и др.) вопросы методологии начинают занимать центральное место в философском анализе научного знания. В эти же годы возникает интервальная методология (Ф. В. Лазарев, М. М. Новоселов). Развивается также системный подход (Л. Берталанфи, Э. Г. Юдин, И. В. Блауберг и др.).

В первую очередь, методологов интересуют механизмы функционирования и развития знания, генезис и трансформация научных теорий, выявление «парадигм», способы построения теорий.

Весьма актуальными являются современные методологические стратегии, учитывающие влияния постмодернистского стиля мышления. В одной из своих недавних работ Ф. В. Лазарев скоординировал и интегрировал методы классической рациональности и такой широко распространённый постмодернистский методологический подход как деконструкция. Конструкция, реконструкция, деконструкция и метатеоретическая экспертиза взаимодополнительны и усиливают методологические усилия исследователя, считает автор. «Реконструкция - взгляд «изнутри», деконструкция - взгляд «извне», метаэкспертиза – оценка в ситуации «над интервалом» [1. с. 5]. Сравнительный анализ классической, неклассической и постнеклассической методологии также позволяет Лебедеву С. А. выделить сильные стороны постмодернистской методологии. В конечном счёте, считает автор: «Постмодернизм – отнюдь не попытка отрицать научный разум, а лишь стремление понять его более тонко, как аспект познавательной деятельности свободного и гуманного человека, с позиции понимания в качестве субъекта научного познания – творческой личности» [2. с. 15].

Тем не менее, в отечественной методологической литературе посвящённой анализу права достаточно сильны классические методы. Можно согласиться с В. Н. Шердаковым, указывающим на диалектический характер методологии, поскольку она «с одной стороны, выступает предпосылкой исследования, определяющей движение мысли к истине, с другой же стороны, она сама является итогом работы мысли над материалом, результатом исследований, не менее ценным, чем добытое конкретное содержание» [3, с. 83]. Такой «двойственный» характер методологии обусловил две тенденции в определении ее статуса. Одни ученые считают, что методология это лишь наука в ряду наук (В. А. Лекторский, В. С. Швырев) и ее можно рассматривать как логику научного познания, другие (Д. А. Керимов) рассматривают методологию через расширительно, включая в нее и мировоззренческие функции, и общетеоретические концепции, и частнонаучные методы [4, с. 33]. Известный теоретик системного подхода Э. Г. Юдин структурирует методологию, выделяя в ней следующие уровни: 1) уровень философской методологии, включающий в себя определение общих принципов познания и категориальный строй науки в целом; 2) затем следует уровень общенаучных принципов и норм исследования; 3) еще «ниже» идет конкретно-научная методология, включающая в себя совокупность методов исследования, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине; 4) на самом «нижнем» уровне находится совокупность методик и процедур исследования, обеспечивающих эмпирическое подтверждение теории [5, с. 40-44].

Для методологии права главной проблемой является обнаружение ее места в рамках методологии вообще. Большинство ученых так и не могут до конца решить, имеет ли методология права принципиальное отличие от научной методологии вообще (и в чем оно заключается), или она является разновидностью общей методологии, обладая своими особенностями, определяемыми собственной спецификой объекта, функций, целей познания.

Большинство специалистов как методологии в целом, так и методологии права придают статус «метапознавательной дисциплины». Например, Р. Лукич, крупный югославский теоретик права, считает, что «методология права является метапознавательной дисциплиной только в широком смысле слова, так как в узком смысле слова метапознавательной может, в сущности, считаться лишь дисциплина, исследующая суждения, из которых состоит изучаемая ею познавательная дисциплина» [6, с. 27]. То есть, методология права может быть рассмотрена на двух ее уровнях, в двух интервалах абстракции. «Она является метапознавательной дисциплиной, когда рассматривает методы философии права и специальных юридических

наук. Методология права представляет собой науку первого порядка (то есть не является метапознавательной дисциплиной, метанаукой, а изучает непосредственно действительность), когда исследует технические методы права.» [6, с. 28].

Нельзя не сказать о предмете философии права, поскольку каждая самостоятельная научная дисциплина обладает не только набором специфических методов, но и своим собственным предметом, который она изучает. Что касается методологии права, то ее предмет можно определить как совокупность методов права (включая сюда и технические методы юридического познания). Формирование, отбор, сочетание этих методов, описание и демонстрация их действия и есть главная задача методологии права.

Методология права имеет свой предмет и не надо забывать, что такая обширная теоретическая область как теория государства и права имеет свои «субдисциплины»: теория государства, теория права, теория правосознания, философия права, социология права и др., каждая из которых обладает собственным своеобразием и методами, имея свой предмет и свои задачи. Помимо этого, теория права опирается на категории. Эти категории фиксируют связи и взаимодействие таких явлений как государство, право, правосознание. Методы и категории определяют фундаментальные принципы «всей логической структуры теории государства и права, ее основное устойчивое теоретическое ядро» [7, с. 39]. Кроме «устойчивого теоретического ядра» есть также «подвижные элементы». Как считает А. М. Васильев, внутри логического порядка теории государства и права есть менее устойчивые элементы, не определяющиеся непосредственно ее предметом. «К ним следует отнести, во-первых, теоретические разработки, выдвигаемые потребностями общественной практики конкретного периода, и, во-вторых, те элементы, которые включились в состав теории государства и права с начальных моментов формирования правовой науки и традиционно сохраняются в ее составе.» [7, с. 40]. Функционирование основного теоретического ядра и периферийных, менее устойчивых элементов должно быть рассмотрено в динамике.

Ввиду общей тенденции уплотнения теоретических знаний, что в первую очередь связано с увеличением количества информации, а следовательно пересмотра базы данных, происходит изменение структуры научной теории. «Менее устойчивые элементы под ее воздействием могут, с одной стороны, оплодотворяться, выделяться из состава теории государства и права, переходить в сферу специальных юридических наук и даже образовывать новые дисциплины, а с другой стороны, теряя свое значение вообще, выпадать из научного оборота.» [7, с. 50]. Определить «устойчивость» и «неустойчивость» элементов может логико-философский анализ теории. Здесь мы сталкиваемся с определенными методологическими проблемами.

Что относится к области правовых методов, а что не относится, зависит от позиции методолога. Если мы какое-либо социальное или психологическое явление будем квалифицировать как правовое, то и метод, соответствующий познанию данного явления (будет ли это социологический или психологический метод) можно с полным основанием считать правовым методом. Для того, чтобы это соответствовало действительности, нужно выделить правовую специфику данного метода. С другой стороны, нормативность как принцип принадлежит не только сфере права, но и другим нормативным системам (религиозные нормы, этические нормы, эстетические нормы и др.), являясь, следовательно, общеметодологическим принципом.

Обнаружить специфический только для области права метод очень трудно. Поэтому неудивительно, что в ходе методологического анализа ученые часто прибегают к общенаучным методам. Наряду с другими часто используется системный подход. Это вполне естественно, поскольку и на теоретическом уровне (система законов) и в практической жизни (институты законности и правопорядка, начиная с министерств и вплоть до районных и городских структур) мы имеем дело с самой настоящей системой. Для нее характерны следующие черты: многоуровневость, иерархичность, жесткая последовательность и взаимосвязанность, соподчиненность. Кроме того, в области теоретической, для правовой сферы характерны обязательные для всех уровней правила интерпретации правовых актов.

Системный подход представляет собой достаточно масштабное направление методологии. В основе его лежит представление о том, что любой исследуемый объект может быть рассмотрен в качестве системы, то есть некоторого множества элементов, которые находятся в таких связях и отношениях, что образуют определенную монолитность и целостность. Существуют материальные системы (объекты органической и неорганической природы), социальные системы (группы, слои, классы, государства) и абстрактные системы (гипотезы, теории). Системный подход позволяет выявить прежде всего целостность объекта, раскрыть все многообразие связей и отношений между элементами и частями системы и затем свести их в общую теоретическую схему. Если раньше (до 50-х гг. 20-го века) этот подход применялся лишь в естествознании, то позже он был внедрен в такие области как экономика, информатика, теория управления социальными процессами.

Вполне очевидно, что методология системного подхода имеет перспективы и в области теории государства и права. Системный анализ представляет собой все множество методологического инструментария, необходимого для подготовки и фундаментального обоснования решений в области социальной, экономической, юридической деятельности. Особенно актуален системный анализ ввиду построения развитого демократического общества в Украине, в частности в деле развертывания и углубления экономических, политических и правовых реформ по направлению к сближению с индустриально развитыми демократическими государствами Европы. Это особенно необходимо в ходе принятия важных решений при осуще-

ствлении выбора в состоянии неопределенности, когда есть множество социально-политических факторов, не поддающихся количественному анализу. В юридической сфере стоит важная методологическая проблема координации правовой системы Украины и международного права. Это особенно ясно в ходе дебатов о возможной отмене смертной казни. Широко известно, что правовая система представляет собой достаточно упорядоченный механизм, поэтому ее эффективная работа может быть усилена также и с помощью системного анализа. Конечно, один метод, одна методология не могут стать «палочкой-выручалочкой» для такой сложной, многофакторной сферы как сфера права. Речь может идти о синтезе методологических стратегий в деле выявления и анализа возможных альтернативных путей достижения поставленных целей. Основной задачей системного анализа является построение модели реальной ситуации и выявление вариантов решения главной проблемы.

Важной категорией современного правосознания является понятие «гуманизм». Конечно, это не только правовая категория, но если можно так выразиться – «общекультурная». Все же в современной теории права, она занимает ключевое место, наряду с такими понятиями как «либерализм», «демократия», «права человека». Известный теоретик права С. С. Алексеев даже ставит категорию «гуманизма» в центр мировоззренческой схемы правового сознания. Он полагает, что мировоззренческой, философской основой теории права является «гуманизм, общецивилизационные гуманитарные взгляды, конструктивные либеральные воззрения» [8, с. 23]. Конечно, гуманизма «вообще» не существует, но есть исторически и культурно определенные формы гуманизма, имеющие свое реальное эмпирическое наполнение. Современный гуманизм центрирован на правах человека, высшей ценности современного демократического государства. В свою очередь, права человека выражают в правовой форме одну из главных универсальных ценностей человека – принцип свободы. В противоположность необходимости (природной, социальной) свобода позволяет человеку не быть абсолютно подчиненным определенной сумме обстоятельств. Свобода всегда предполагает некоторый выбор возможностей или отказ от возможностей. Выражение «лишение свободы» в юридической практике указывает на степень наказания, которая (после отмены смертной казни во многих современных странах) отождествляется с «высшей мерой» наказания. С. С. Алексеев выделяет положительную сторону свободы, состоящую «в беспрецедентной и оптимистической возможности развития на основе разума» [8, с. 24] и отрицательной, заключающейся в перспективе «значительного отрыва общества от природы» [8, с. 24].

Гармоническое соотношение «свободы для себя» и «свободы для других» является одной из важнейших методологических проблем философии права. В действительности очень сложно найти границу того, где заканчивается «моя свобода», а где начинается свобода другой личности. В реальной жизни мы сталкиваемся с этим, когда звуки музыки одному человеку приносят радость, а другому, находящемуся рядом, – мучение. Решить эту конкретную проблему весьма сложно, поскольку тут мы сталкиваемся с «субъективным фактором». По мнению В.В. Шкоды, необходимо отличать свободу как переживание и свободу как теоретическую конструкцию [9, с. 53].

Еще одной важной категорией является понятие собственности. Также, как и другие правовые понятия, «собственность» имеет конкретно-исторические координаты. Но если мы выделим главный, инвариантный принцип собственности, то очевидно будет, что это прежде всего владение чем-либо или кем-либо (в Риме, например, раб считался «говорящей вещью»). Имеются различные формы собственности: частная, общественная, государственная, но главный момент, это владение, власть, реализуемая в конкретных обстоятельствах. Здесь также есть два аспекта: негативный и позитивный. Ведь собственностью можно злоупотреблять (господство над людьми), но можно использовать ее на благо людям.

Следующая категория, находящаяся на пересечении интересов права и философии – власть. В соответствующей литературе советского периода, в основном, власть отождествлялась с функцией управления. Конечно, власти присуща функция управления, но ею она не исчерпывается. Управление это некоторая совокупность технических, достаточно стереотипных, действий. В то время как власть в своей основе имеет волевые характеристики и управление лишь используется властью, являясь ее инструментом. «Власть предполагает свободного субъекта, обладающего самостоятельной волей и специфическими интересами» [10, с. 60]. В зависимости от той или иной личности (или политической элиты), от интересов «партии власти» режим может быть авторитарным, демократическим, либеральным, или каким-то еще. Философские проблемы власти поднимались в древности Платоном и Аристотелем, а позже Макиавелли, Гоббсом, Гегелем, Марксом. В зависимости от социально-философских предпосылок эти мыслители либо оправдывали существующий правопорядок, либо доказывали его неправомочность.

Несмотря на различия в трактовках института власти, они были едины в том, что такой институт необходим, поскольку всегда есть в обществе те, кто осуществляет властные функции, организует социально-экономическую и политическую жизнь, и есть те, кто исполняет соответствующие указания и приказы. Категория власти выражает существующие в любом обществе отношения господства и подчинения. В этом заключается рациональность и целесообразность власти. Она необходима и имеет позитивный характер как средство обеспечения организованности общества, фундирующий его существование и развитие в качестве целостной системы. Власть нельзя понимать только как отчужденную от людей силу. Закон и власть, как и законы природы сами по себе не являются плохими или хорошими, добрыми или злыми. В христианском мировоззрении, например, власть ассоциируется со злом, поэтому радикальное христианское учение ориентировано не на реальное общество и общественные интересы, а на заповеди Христа.

Принципы теократии, построение государства на религиозных принципах тоже есть реализация власти, но на религиозной, а не светской основе.

Власть также имеет свои плюсы и минусы. К негативным чертам власти можно отнести: авторитарность управления, чрезмерную централизацию властных функций, бюрократизацию, тенденцию полного подчинения личности, использование личности в государственных целях. Особенно вредит институту власти то, что она начинает использоваться в эгоистических интересах отдельных групп, личностей, национальных кланов, отдельных социальных классов. С другой стороны, без осуществления власти невозможен элементарный порядок, что может привести к социальному хаосу, массовым насилиям, гражданской войне. Об этом, еще в XVII веке предупреждал Гоббс, анализирувавший такое общественное состояние, как «война всех против всех». Власть – это не только что-то «внешнее», ее позитивный (как и негативный) характер обнаруживается и на личностном уровне. По мнению Ю. Е. Пермякова, власть не только может ущемлять интересы человека, но и способствует ее личностному росту. «Власть не только интегрирует общество, но и вынуждает к интеграции личность человека, который, взаимодействуя с властными структурами, конституирует себя как целое» [10, 64]. Помимо этого власть и право объективно упорядочивает и дисциплинирует общественную жизнь и поведение отдельного индивидуума.

Рассматривая методологическую проблему соотношения власти и права, на примере становления европейской государственности (а она распространила свое влияние на многие другие регионы), очевидно, что власть, постоянно находясь в конфликте с правом, постоянно отступала. Только право есть граница власти и безвластия. Власть стремится использовать правовые механизмы для своего укрепления, однако это возможно только до тех пор, пока власть легитимна, опирается на широкие круги населения и исторически оправдана. Она не может существовать на «пустом месте». При злоупотреблениях властью, при переходе к диктатуре, имеется тенденция превращения «энергии масс» во вред народу и государству в целом (можно вспомнить результаты «коллективизации», «индустриализации», «поднятия целины», «поворота рек» и т.д. в бывшем СССР). Итак, в отношении такого общественного явления как власть можно сказать, что она позитивна, если конструктивна и основана на принципе уважения и защиты прав человека. На двух полюсах власти находятся тоталитаризм (гипертрофированная власть и, как следствие, чрезмерность насилия на всех уровнях) и анархизм (формальная абсолютная свобода для всех, оборачивается на деле правовым хаосом и «беспределом»).

Норвежский криминолог Н. Кристи напрямую связывает институт власти с причинением боли. Он считает, что те, кто обладают властью, могут раздавать боль, страдания. «Власть означает возможность заставить других людей делать то, что вы хотите, чтобы они делали, независимо от их собственного желания» [11, с. 90]. Совсем другое положение будет в области применения власти к «безвластным» гражданам. «Люди, не обладающие властью, находятся в совсем ином положении. Если они не пользуются покровительством и не обладают силой, задача боли не представляет для них привлекательную альтернативу» [11, с. 90]. Н. Кристи, рассматривая данную проблему, приходит к выводу, что власть необходима, это, конечно, неизбежное зло, но «власть должна контролироваться» [11, с. 92]. Весь вопрос тогда заключается в том, кто будет контролировать того, кто контролирует, ведь вечных гарантий в честности или компетентности той или иной контролирующей инстанции никто дать не может. Существует, конечно, такой универсальный институт как общественное мнение, однако исторический опыт показывает, что этим мнением можно ловко манипулировать и склонять его в ту или иную сторону с помощью подачек, СМИ, а то и просто грубого давления той же власти. В то же время, институты западной демократии постоянно совершенствуются с тем, чтобы контролировать по мере возможности ситуацию в области прав человека (ООН, Европейский парламент, Совет по правам человека и др.)

Теория права должна обеспечивать объективное познание правовых норм и правоотношений. С помощью теоретического философского анализа правовая наука получает возможность не только объективировать явления и отношения, находящиеся в рамках государства и права, но и анализировать тенденции их развития в ближайшей перспективе.

Кроме понятийного аппарата чисто правового поля, существуют понятия и категории, сопредельные с такими дисциплинами как социология («уровень преступности», «криминогенные районы» и др.), этика («справедливость», «нравственность», «безнравственность», «гуманность» и др.) и конечно же философия («гуманизм», «свобода» и др.) В контексте данной работы конечно же на первый план должны быть выдвинуты такие правовые категории, как «гражданин», «обязанность», «закон», «соблюдение закона», «правовые нормы», «преступление», «наказание». Не категориальное, а эмоционально-волевое решение правовых вопросов ведет в злоупотреблениям и волюнтаризму. А это, в свою очередь, является одним из факторов, порождающих конфликтные ситуации в политической, экономической и социальной реальности.

В современной ситуации в силу принятия большого количества законов реально защищающих права личности перед государственными структурами и чиновниками, возникает вакуум реальных правовых инициатив граждан, привыкших «по старинке» поглядывать «вверх», ожидая очередных «ценных указаний».

Дело в том, что интеллектуальные решения в правовой сфере требуют изменения ценностных сдвигов, поскольку чисто логического решения явно недостаточно. И здесь позитивную роль играет постмодернистский пафос, направленный на поиски личностной и групповой *идентичности*.

Принцип *различия* выдвигается на первый план как та основы, на которой должны строить взаимоотношения субъекты права. В первую очередь – это *принцип политкорректности*, ограничивающий вторжение государства на морально-правовую «территорию» личности. В дополнение к вышеуказанному принципу, *мультикультурализм* как культурно-философская доктрина постмодернизма обосновывает толерантность и поиски консенсуса как в области взаимоотношений между гражданами, группами лиц, так и в отношениях между политическими партиями. *Децентрация* в эпистемологии и этике, пропагандируемая постмодернистами должна быть конструктивно преобразована и легитимизирована в противовес громоздкой и медлительной бюрократической иерархии, затрудняющей максимальное освобождение человека.

Поэтому, взвешенное, аналитическое, прагматичное восприятие базовых принципов модной философии, апробация и исследование последующих социальных результатов применения, должны устранить нежелательные побочные эффекты. Поспешность в области правовой реформы недопустима, но и отставание, следование устоявшимся стереотипам – опасны, поскольку однозначно влекут за собой отставание во всех сферах общества.

Выводы. Рационализм, европоцентризм, жёсткая централизация власти ведут к пренебрежению принципами различия, политкорректности, мультикультурализма и децентрации власти, благодаря которым только и можно построить современное гражданское общество – цель всех прогрессивных проектов преобразования правовой сферы. Теоретические исследования, точная методология должны быть дополнены этическими подходами и учётом этно-культурного контекста современного общества. Приоритет уважения к *правам человека*, преимущества гражданина над «административным императивом», привлечение творческой мысли всех желающих к модификации политико-правовой базы государства. – должны быть признаны необходимым свойством правовой реформы в нашей стране.

Источники и литература

1. Лазарев Ф. В. Методология конструктивизма. // Разум в постнеклассическую эпоху: антропологические перспективы. Материалы международного симпозиума. ТНУ им. В. И. Вернадского. Симферополь 21 – 24 мая 2003. – Симферополь. Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского. – 2003
2. Лебедев С.А. Методологический кластер классической, неклассической и постнеклассической (постмодернистской) науки. // Разум в постнеклассическую эпоху: антропологические перспективы. Материалы международного симпозиума. ТНУ им. В. И. Вернадского. Симферополь 21 – 24 мая 2003. – Симферополь. Изд. ТНУ им. В. И. Вернадского. – 2003
3. Шердаков В. Н. Этика и нормативность. // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 83.
4. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. – М.: Мысль, 1986.
5. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. – М.: Наука, 1978.
6. Лукич Р. Методология права. – М.: Прогресс, 1981.
7. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М.: Юрид. лит-ра, 1976.
8. Алексеев С. С. Теория права. – М.: Изд. БЕК, 1995.
9. Шкода В. В. Вступ до правової філософії. – Харків: Фоліо, 1997.
10. Пермяков Ю.Е. Лекции по философии права. – Самара: Изд. «Самарский университет», 1995.
11. Кристи Н. Пределы наказания. – М.: Прогресс, 1985.

Кузьмин Н.Н.

СТРУКТУРА КОГНИТИВНОГО МИРА СУБЪЕКТА

В современных гуманитарных исследованиях постоянно подчеркивается роль познания в деятельности людей. Философы, психологи, социологи настаивают на необходимости учета представлений, знаний, различных интерпретативных схем и других когнитивных образований в анализе социокультурной действительности. В свете происшедшего в гуманитарном знании «когнитивного поворота» *актуальность* приобретает исследование когнитивной организации действующего субъекта. *Цель статьи* – проанализировать понятие структура субъекта, показать роль когнитивного мира субъекта в организации его действий и предложить вариант структуры когнитивного мира субъекта. *Основная задача* исследования связана с рассмотрением различных точек зрения по данной проблеме.

Философия XX века характеризуется поворотом от изучения процесса познания и социокультурного бытия как обезличенных и независимых от субъекта реальностях к субъектноориентированному знанию. В этом контексте в первую очередь следуют назвать феноменологию позднего Гуссерля Э. (концепция «жизненного мира»), экзистенциально-феноменологические изыскания Хайдеггера М., Сартра Ж.-П., Мерло-Понти М., философию значения Витгенштейна Л., философию символических форм Кассирера Э., герменевтику Гадамера Х.-Г. и Рикера П.

Для отечественной философии характерен идущий еще от «киевской школы» начала XX века (Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, Л. Шестов) интерес к философии субъективности. В современной украинской философии проблемы изучения субъективной реальности нашли свое отражение в работах Крымского С.Б., Малышко К.Н., Табачковского В.Г., Поповича М., Ручки А.А., Гнатенко П.И., Мартынюка Ю.Н.